

Д. А. Федоров

**Контroversия «натурализм» vs. «конвенционализм»
в концепциях Лукреция и Цицерона о возникновении цивилизации, культуры и языка**

В статье рассматривается ряд малоизученных аспектов протокультурологических воззрений мыслителей эпохи поздней римской Республики – Лукреция и Цицерона. Краткий экскурс в генезис воззрений Лукреция и Цицерона о причинах появления цивилизации на основе сохранившихся первоисточников предшествует авторскому взгляду на эволюцию гносеологического противопоставления «натуралистической» (природно-естественной) и «конвенционально-договорной» моделей культурогенеза в рассматриваемый исторический период. По мнению автора статьи, модель культурогенеза у Лукреция, отражая несколько наивные представления о «естественных» причинах зарождения социальных отношений и являясь продолжением идейных установок Эпикура, не могла отвечать потребностям рационально ориентированной социальной философии Цицерона. Таким образом, преодолев почерпнутые из греческой философии идеалистические стереотипы (прослеживающиеся, в частности, в трактате Лукреция), Цицерон пришел ко вполне прагматическому представлению о гражданских правоотношениях как основном факторе возникновения цивилизации и культуры. Сделанные автором статьи выводы могут представлять потенциальный интерес для исследователей в области истории культурологии, античных социально-философских учений.

Ключевые слова: античность, Цицерон, Лукреций, культурология, культурогенез, глоттогенез, Древний Рим, конвенционализм, эволюционизм, культура, язык.

D. A. Fiodorov

**Discussion «Naturalism» vs. «Conventionalism» in the Theories of the Origin of Civilization,
Culture and Language of Lucretius and Cicero**

The article discusses a number of relatively little-known aspects of the proto-cultural beliefs of thinkers of the late Roman Republic – Lucretius and Cicero. After a detailed analysis of the genesis of their views on the question of the causes of the emergence of civilization on the basis of the surviving original sources, the author traces the evolution of epistemological opposition of «naturalistic» (natural-natural) and «conventional» theory of the origin of culture. According to the author, the model of Lucretius, reflecting somewhat naive notions of «natural» causes of origin of social relations and being an ideological continuation of the ideological systems of Epicurus could not efficiently meet the needs of practical-oriented social philosophy of Cicero. Having successfully overcome idealistic stereotypes (traced, in particular, in Lucretius's treatise) gleaned from Greek philosophy, Cicero comes to quite a pragmatic view of the Roman lawyer of civil matters as the main factors of civilization and culture. Conclusions made by the author may be of potential interest to researchers in the history of cultural studies, social and ancient philosophies.

Keywords: antiquity, Cicero, Lucretius, cultural, genesis of culture, glotto-genesis, civilization, Ancient Rome, conventionalism, evolutionism, culture, language.

Вопрос о происхождении цивилизации и культуры – так называемого *культурогенеза*, являясь одной из наиболее сложных, неоднозначных и в конечном итоге так до конца и не разрешенных проблем в истории культурологи, занимает особое место в системе социальных учений античности. Работы ряда современных исследователей в данной области [17, с. 138] со всей очевидностью демонстрируют органическую связь проблемы культурогенеза с более широким комплексом смежных вопросов – в частности, античными концепциями происхождения человека (антропогенез), языка (глоттогенез) и главным образом – теориями происхождения, причинам возникновения и эволюции человеческого общества (так называемый *социогенез*). Иными словами, большинство антич-

ных авторов, в отличие от современных исследователей, не рассматривают культурогенез как самостоятельное, автохтонное, обособленное явление социальной жизни, обычно затрагивая вопрос о возникновении цивилизации и культуры лишь в контексте тематики происхождения человека, общества, государства, права и прочей аналогичной смежной проблематики.

Проблема возникновения культуры и языка, не нашедшая своего удовлетворительного разрешения и в наши дни, явилась одной из наиболее дискуссионных контroversий античного протокультурологической мысли. Две точки зрения на ее разрешение (возникли ли цивилизация и язык естественным путем – «по природе» (φύσει) либо же в результате конвенции (θέσει – «по договору»),

зародившиеся в греческой философии еще VI в. до н. э. [2], во многом предопределили содержание античного протокультурологического дискурса на многие столетия вперед, достигнув своеобразного апогея в первой половине I в. до н. э. – в период поздней Римской республики [8].

Сформировавшись под значительным влиянием идей греческих философов, древнеримская протокультурологическая мысль переняла и представление о культуре как «естественном» явлении, вытекающем из изначального «дикого» состояния человечества, и цивилизации, которая создается в виде своеобразного договора общественного согласия, призванного ограничить насилие, беззаконие и преступное поведение. В частности, натуралистическую идею о естественной дикости, в которой пребывает «доисторическое человечество», разделяли римские мыслители I в. до н. э. Весьма типично в этом смысле выглядят, на наш взгляд, рассуждения, приведенные в памятнике римской литературы, монументальной философской поэме «О природе вещей» выдающегося мыслителя поздней республики Тита Лукреция Кара (Lucr., 7, 5, 960).

По нашему мнению, наибольший интерес представляют строфы 1028–1090 пятой книги поэмы, посвященные проблеме происхождения цивилизации в древнем обществе. С точки зрения Лукреция, первобытные люди, желая прекратить насилие и истребление себе подобных, заключили своеобразный «общественный договор» о непричинении вреда, что в конечном итоге явилось причиной возникновения общества и права [10, 11, 15]. Однако составление данной «конвенции» происходило невербально – то есть еще до возникновения связной речи: «...vocibus et gestu cum balbe significarent / imbecillorum esse aequum misererier omnis.». (Lucr. De Rer. Nat. V, 1022–1023). Таким образом, отражая и развивая эпикурейскую философскую традицию, Лукреций отстаивает «природную» концепцию культурогенеза, обогащая последнюю дополнительной аргументацией, связанной в основном с поведением детей и различных животных: «...At varios linguae sonitus natura subegit / mittere et utilitas expressit nomina rerum, / non alia longe ratione atque ipsa videtur / protrahere ad gestum pueros infantia linguae, / cum facit ut digito quae sint praesentia monstrent.» (Lucr. De Rer. Nat. V, 1028–1032).

Лукреций категорически протестует против идеи «установителя имен» – ономототета (оппонируя в данном случае, как можно предположить, не только упомянутому нами выше платоновскому

«Кратилу», но и взглядам ряда более ранних авторов, чьи произведения до наших дней не сохранились), якобы в незапамятные времена объединившего людей в общество и давшего имена всем вещам [15]. Подобная мифологическая гипотеза кажется рационалисту Лукрецию не только неподходящей, но попросту «безумной» (Lucr. De Rer. Nat. V, 1041–1045). По мнению Лукреция, телеологический «ономототет», даже существуй он в реальности, не сумел бы убедить не знающих речи людей в необходимости оперировать порожденным его фантазией словарем, и они, конечно же, не смогли бы смириться с подобными требованиями в свой адрес (Lucr. De Rer. Nat. V, 1050–1055).

Заключительные рассуждения Лукреция в рассматриваемом отрывке о происхождении культуры и языка посвящены разоблачению аргумента сторонников «конвенциональной» теории культурогенеза, разъясняя, почему различные народы используют разные слова для обозначения одних и тех же предметов. Доводы Лукреция в данном случае вновь основаны на апелляции к животному миру (Lucr. De Rer. Nat. V, 1056–1061).

В целом философская поэма Лукреция, позволяя проследить эволюцию эпикурейского взгляда на природу возникновения цивилизации, является ценным историческим свидетельством позиции и аргументации сторонников «эволюционной» теории культурогенеза в античности.

Гораздо более дискуссионным представляется вопрос о проблеме происхождения цивилизации и языка в трудах другого яркого римского мыслителя эпохи поздней Республики – Марка Туллия Цицерона. В научной литературе, посвященной воззрениям данного автора, этой стороне его интеллектуального наследия уделяется достаточно умеренное внимание. В частности, очень фрагментарно тема происхождения цивилизации по Цицерону затронута в статье М. Хенри [7, с. 67–72], а также в работах С. Л. Утченко [3, с. 134] и Н. Вуда [17, с. 138]. Некоторый интерес для рассмотрения данной тематики также представляют публикации Р. Райценштайна [12, с. 356–362], Р. Хейнце [6, с. 141–159.], Е. Рихтера [13], П. Шмидта [14, с. 262–333] и др.

При внимательном изучении трудов Цицерона несложно заметить очевидное несоответствие между объяснением причин возникновения цивилизации и культуры в ранний и более поздний периоды творчества мыслителя. Насущным нам представляется решение вопроса о том, каким образом трансформировалась трактовка феномена

происхождения и эволюции цивилизации и языка по мере интеллектуального созревания социально-политических воззрений Цицерона на примерах конкретных произведений.

Первой серьезной попыткой Цицерона заявить о своих взглядах стала так называемая *конфликтная теория* – представление о первоначальном доцивилизационном «диком» этапе развития человеческого общества (Cic. Inv., I, 2.). Безусловно, его рассуждения были целиком почерпнуты из более ранней греческой философии, и говорить о самобытных, оригинальных рассуждениях автора не приходится, однако можно сделать вывод о том, что еще в юности Цицерон сформировал собственное представление о цивилизации как особой стадии в развитии человеческого общества, логически эволюционирующей из периода дикости. Дикость понимается мыслителем как отсутствие правовых норм и этических запретов. Таким образом, право выступает основной первопричиной формирования цивилизации как естественная необходимость в ограничении «слепой звериной алчности» и насилия. Продолжая свою мысль о появлении государства в De Inventione, он рисует портрет «великого мужа» (*magnus vir*), абстрактного героя, который якобы «собрал и поселил в одном месте людей, рассеянных прежде... с помощью разумных увещаний смягчил он их нравы и внушил добрые чувства». (Ibid.). Вероятно, здесь нашло свое отражение мифологическое представление греков о божественной природе явлений культуры, в частности миф о Прометее. Несколько наивным, по нашему мнению, выглядит следующий вывод Цицерона о том, что сей «великий муж», объединивший человечество, обладающий не только мудростью, но и исключительным даром красноречия, воздействовал на людей с помощью ораторского искусства (Ibid.). Можно предположить, что идеализация и героизация абстрактной индивидуальной воли наделенного особой полубожественной силой «творца» цивилизации отражала искреннюю веру юного Цицерона во всемогущество ораторского красноречия, а также его скрытые симпатии к авторитарной власти. Следует, однако, отметить, что создателем цивилизации, по Цицерону, объявляется человек (хотя и излишне героизированный), а вовсе не прямое вмешательство божественной воли, что характерно, например, для философии Платона, прямо объявлявшего бога источником, в частности, правовых норм (Plato. Leg., 624a).

«Конфликтную» трактовку возникновения цивилизации Цицерон продолжает развивать и в

своей значительно более поздней речи – Pro Sestio (56 г. до н. э.). По утверждению Цицерона, в течение длительного периода времени, предшествующего «государственной» стадии развития, человечество находилось в рассеянном состоянии. Обособленные друг от друга люди «кочевали и блуждали» по земле «...и владели лишь тем, что путем насилия и борьбы, убивая и нанося раны, могли или захватить, или удержать» (Cic. Sest., 91). В следующем отрывке мы, однако, видим несколько измененную трактовку последующих событий, отличающуюся гораздо большей философской зрелостью по сравнению с юношеской версией из De Inventione: «...qui igitur primi virtute et consilio praestanti exstiterunt, ii perspecto genere humanae docilitatis atque ingeni dissipatos unum in locum congregarunt eosque ex feritate illa ad iustitiam atque ad mansuetudinem transdixerunt» (Ibid.). Важно отметить, что в данном случае Цицерон говорит уже не о единственном «мудреце», но, вероятно, о множестве людей. Прослеживается тенденция перехода мыслителя к идее постепенной трансформации (эволюции) общества из «дикого» состояния в более прогрессивное. Следующим этапом, по Цицерону, становится возникновение поселений (*conventiculum*, дословно «сходка, место собрания»), впоследствии получивших название «общин» (*civitates nominatae sunt*), и лишь затем появляются города (*urbes*) (Ibid.). Примечательно, что гражданские общины в трактовке Цицерона появляются раньше, чем города. В данном случае Цицерон рассматривает появление городов как один из поздних этапов развития социальной организации больших групп людей. Таким образом, в речи Pro Sestio Цицерон формулирует своеобразную теорию социального прогресса, развитую в его последующих произведениях. В том же фрагменте речи Цицерон впервые говорит об «общепольном имуществе» (*communem utilitatem*), необходимость защиты которого от посягательств также является ключевой причиной появления государства (Ibid.). Данный тезис Цицерона представляется чрезвычайно важным. Речи о частной собственности пока не идет, однако очевидно, что в данном случае идеализм и излишняя телеологизация в сознании мыслителя уступают место сугубо рациональному, прагматичному началу, характерному для римского адвоката: защита собственности для него становится более значимым (а главное – вполне логичным и лишеным какого-либо мистицизма) фактором, нежели абстрактное «ораторское искусство» мифического полубога, якобы объединившего людей и

породившего цивилизацию. Основной охранительной мерой, предотвращающей возвращение в изначальное естественное состояние «войны всех против всех», становится формальное право: «atque inter hanc vitam perpolitam humanitate et illam immanem nihil tam interest quam ius atque vis. Horum utro uti nolumus, altero est utendum» (Cic. Sest., 92.).

Необходимость развития идеализированного представления о всемогущей силе красноречия, якобы поднявшего людей из первобытного состояния в цивилизованное, постепенно становится очевидной для самого Цицерона. В своем диалоге «Об ораторе», написанном в 55 г. до н.э., он предлагает читателю сравнить две диаметрально противоположные позиции [5]. Первую точку зрения, в целом соответствующую ранней мифологической трактовке появления цивилизации одной лишь силой красноречия великого и мудрого мужа-оратора, он вкладывает в уста одного из участников диалога – ритора Красса. Последний, в частности, убежден, что главное отличие людей от животных заключено в их способности к общению и взаимодействию с другими людьми посредством языка: «...в том-то и заключается наше главное преимущество перед дикими зверями, что мы можем говорить друг с другом и выражать свои ощущения словом» (Cic. Orat., I, 32. Перевод Ф. Ф. Петровского). Из этого он делает, на первый взгляд, достаточно здравый и логичный вывод: раз именно владение языком отличает людей от животных, следовательно, именно «слово» и объединило людей, превратив их из одержимых насилем диких полуживотных в цивилизованных граждан. «Какая другая сила могла собрать рассеянных людей в одно место или переменить их дикий и грубый образ жизни на этот человеческий и гражданственный быт, или... законы, суды и права?» (Cic. De Orat., I, 33) – задается полуриторическим вопросом Красс. В ответ на это другой участник диалога – Сцевола высмеивает высказанную Крассом точку зрения, сетуя на ее очевидную наивность (Cic. De Orat., I, 36).

Приходится лишь сожалеть, что, вероятно, весьма подробное изложение Цицероном доцивилизационного этапа развития человечества в трактате De Re Publica (прим. 51 г. до н. э.) до нашего времени в оригинале не сохранилось [4]. В единственном средневековом палимпсесте, содержащем первую книгу этого трактата, изложение по данному вопросу обрывается большой лакуной сразу после знаменитого определения «res publica как res populi и постулирования тезиса о социаль-

ной сущности человека. Социальному объединению людей, таким образом, способствуют два фактора: их «согласие в вопросах права» и «общность интересов», выражающаяся во «врожденной потребности жить вместе» (naturalis quaedam hominum quasi congregatio) (Cic. Rep., I, 39). Дальнейшее изложение можно частично реконструировать на основе сочинений других позднеантичных христианских авторов. Опираясь на их работы, можно с определенной долей условности констатировать, что в трактате Цицерона прослеживались следующие стадии развития цивилизации:

1. Стадия природного состояния. Изначально люди не были связаны друг с другом «ни речью, ни правом» (Lact. Div. Inst., VI, 10, 13).

2. Стадия первичного объединения. Будучи не в состоянии в одиночку бороться с дикой природой и видя ранения близких и страдания других, люди начали объединяться в первичные союзы. Коммуникация происходила изначально с помощью «знаков», затем – с помощью речи, которая также появлялась постепенно, эволюционируя из необходимости «...дать названия» различным предметам (Lact. Div. Inst., VI, 10, 14).

3. Появление городов (oppida). Первые города появляются также с целью защиты от диких животных, «дабы обеспечить себе покой ночью и отвращать нападения диких зверей, не вступая с ними в схватки, а строя валы» (Lact. Div. Inst., VI, 10, 15). Вероятно, далее в несохранившейся части De Re Publica Цицерон пытался критиковать вышеизложенную точку зрения, отмечая абсурдность идеи защиты от животных в качестве единственной причины появления общественных объединений. К сожалению, в данном вопросе мы можем руководствоваться лишь весьма неточным и фрагментарным пересказом Лактанция, однако и из него очевидно, что в качестве альтернативной причины появления цивилизации и языка Цицерон выдвигает не потребность в защите, а природную социальную сущность человека (Lact., Div., Inst., VI, 10, 18).

Завершающим сочинением, объединяющим и синтезирующим все предыдущие этапы эволюции представлений Цицерона о возникновении цивилизации из дикости, стал трактат De Officiis, подводящий своеобразный итог философским и моральным изысканиям мыслителя. Изложение теории происхождения цивилизации в этом произведении достаточно обширно, однако не вполне последовательно. Цицерон возвращается к этому вопросу несколько раз на протяжении своего повествования «Об обязанностях», уточняя первоначаль-

чальную версию в отдельных деталях. Подобная непоследовательность, думается, объясняется тем, что в первых двух книгах трактата Цицерон, по его же собственным словам, следует философской доктрине стоика Панетия (Cic. Off., III, 7).

Возникновению цивилизации в De Officiis по излагаемой Цицероном в первой книге трактата версии стоика Панетия способствуют следующие причины: а). Способность людей к разумной, сознательной деятельности, то есть умение действовать, руководствуясь не только и не столько слепыми инстинктами, сколько рациональным сознанием и разумом (ratio) Cic. Off., I, 11; б). Способность людей к вербальной коммуникации, общению с помощью речи и языка: (Ibid); в). Необходимость обеспечения себя и своих близких всем необходимым для жизни (Cic. Off., I, 13); г). Естественное для человека желание главенствовать и управлять другими людьми в своих интересах, а также способность повиноваться и подчиняться более мудрому и «справедливо и законно повелевающему (legitime imperanti)» (Ibid.).

Можно предположить, что при изложении указанных факторов римский мыслитель в основном следует линии стоической доктрины Панетия. Однако ее механическим изложением Цицерон вовсе не ограничивается, пытаясь дополнить идеалистическую картину воззрений греческого стоика собственной оригинальной версией возникновения цивилизации, основанной уже не на абстрактных рассуждениях о разумной деятельности, свойственной человеку от природы, а на вполне типичных для римского гражданского права представлениях о собственности и ее роли в гражданских правоотношениях.

По мнению Цицерона, люди сосуществуют в сообществе друг с другом, в первую очередь, для защиты собственности, а цивилизация, таким образом, рождается из необходимости взаимопомощи и обмена (Cic. Off., I, 22). По мере того, как Цицерон излагает свои социальные рассуждения в De Officiis, его представление о частной собственности, являющейся основой социальной жизни, постепенно становится стержневой идеей всего произведения: «hanc enim ob causam maxime, **ut sua tenerentur**, res publicae civitatesque constitutae sunt. Nam, etsi duce natura congregabantur homines, tamen spe custodiae **rerum suarum** urbium praesidia quaerebant.» (Cic. Off., II, 73). В данном отрывке Цицерон окончательно расставляет все точки над *i*, развивая свою собственную, оригинальную концепцию, выходящую далеко за рамки представленный его идейного предшественника Панетия. Все

вышеуказанные причины появления цивилизации, такие как продолжение рода, речь, разум, становятся глубоко вторичными, поскольку главным фактором объединения людей становится их живая и насущная потребность в охране своего имущества – частной собственности. Данный вывод вполне недвусмысленно преподносится Цицероном как плод его собственных рассуждений (Cic. III, 33), а не пересказом мыслей Панетия.

Подводя итог проведенному анализу генезиса воззрений двух авторов поздней римской Республики на вопрос о причинах появления цивилизации, можно прийти к выводу о постепенной трансформации «натуралистической» (природно-естественной) модели культурогенеза (Лукреций) в конвенционально-договорную (Цицерон). Модель культурогенеза у Лукреция отражала несколько наивные представления о «естественных» причинах зарождения социальных отношений и являлась идейным продолжением (а фактически – литературализованным пересказом) идейных установок Эпикура. В таком виде она, конечно же, не могла отвечать потребностям рационально ориентированной социальной философии Цицерона.

Таким образом, можно констатировать следующее: преодолев почерпнутые из греческой философии «натуралистические» стереотипы, Цицерон пришел к вполне прагматическому представлению о гражданских правоотношениях как основном факторе возникновения цивилизации. Все остальные причины появления первичных социальных объединений, такие как тяга людей к познанию мира, к вербальной коммуникации, необходимость борьбы с природными условиями и стихиями, стремление к деторождению, становятся для Цицерона глубоко вторичными по отношению к универсальному и общечеловеческому закону конвенционально-правового детерминизма социальных отношений. Подобная «утилитаристская» трактовка теории возникновения цивилизации была бы вполне типична для учений эпохи Просвещения – и в этом смысле вполне можно согласиться с Н. Вудом, отметившим в работах Цицерона своеобразное предвосхищение идеалов более поздних представителей республиканизма, также апологизирующих роль частной собственности в общественной жизни, – Т. Гоббса и Д. Локка [17, с. 114–115]. Именно поэтому для мыслителя античного периода подобное «протoliberalное» разрешение вопроса о причинах появления человеческой цивилизации, на наш

взгляд, является не просто новым и оригинальным, но в каком-то смысле даже революционным.

Библиографический список

1. Кузнецова, Т. И., Стрельникова, И. П. Ораторское искусство в древнем Риме [Текст] / Т. И. Кузнецова, И. П. Стрельникова. – М., 1976.
2. Тронский, И. М. Проблема языка в античной науке [Текст] / И. М. Тронский // Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М.; Л., 1936. – С. 7–23.
3. Утченко, С. Л. Политические учения Древнего Рима [Текст] / С. Л. Утченко. – М., 1977.
4. Cicero. De Republica, de Legibus, Cato Maior de Senectute, Laelius de Amicitia. Oxford, 2006.
5. Fantham E. The Roman World of Cicero's De Oratore. Oxford, 2004.
6. Heinze R. Ciceros «Staat» als politische Tendenzschrift // Vom Geist des Romertums // Ed. E. Burck. Darmstadt, 1960. S. 141–159.
7. Henry M. Cicero and the Great Society // The Classical Weekly. Vol. 17. № 9. 1923. P. 67–72.
8. Janson T. Lucretius on the origin of language // Historiographia linguistica. 1979. Vol. 6. P. 149–157.
9. Lucretius. De Rerum Natura. Oxford, Oxford University Press. 1947.
10. Pfligersdorsdorffer G. Zur Sprachentstehung nach Lukrez // Antike Rechts- und Sozialphilosophie / Hrsg. von O. Gigon. Frankfurt' am Main, 1988. S. 138–146;
11. Reinhardt T. Epicurus and Lucretius on the Origins of Language // CQ. 2008. Vol. 58. № 1. PP. 127–140;
12. Reitzenstein R. Zu Cicero de re Publica // Hermes. Bd. 59. №. 3. 1924. S. 356–362.
13. Richter E. Voigt R. Res Publica und Demokratie: die Bedeutung von Cicero für das heutige Staatsverständnis. Baden-Baden, 2007
14. Schmidt P. L. Cicero De Re Publica: Die Forschung der letzten fünf Dezennien // ANRW. № I.4, 1973. S. 262–333.
15. Schrijvers P. H. La pensee de Lucrece sur l'origine du langage // Mnemosyne. 1974. Ser. IV. Vol. 27. Fasc. 4. P. 336–364;
16. Sedley D. N. Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom. Cambridge, 1998;
17. Wood N. Cicero's Social and Political Thought. Berkeley and Los Angeles, 1988.
18. Wood N. Cicero's Social and Political Thought. Berkeley and Los Angeles, 1988.

Bibliograficheski spisok

1. Kuznecova, T. I., Strel'nikova, I. P. Oratorskoe iskusstvo v drevnem Rime [Tekst] / T. I. Kuznecova, I. P. Strel'nikova. – M., 1976.
2. Tronskij, I. M. Problema jazyka v antichnoj nauke [Tekst] / I. M. Tronskij // Antichnye teorii jazyka i stilja / pod obshh. red. O. M. Frejdenberg. – M.; L., 1936. – S. 7–23.
3. Utchenko, S. L. Politicheskie uchenija Drevnego Rima [Tekst] / S. L. Utchenko. – M., 1977.
4. Cicero. De Republica, de Legibus, Cato Maior de Senectute, Laelius de Amicitia. Oxford, 2006.
5. Fantham E. The Roman World of Cicero's De Oratore. Oxford, 2004.
6. Heinze R. Ciceros «Staat» als politische Tendenzschrift // Vom Geist des Romertums // Ed. E. Burck. Darmstadt, 1960. S. 141–159.
7. Henry M. Cicero and the Great Society // The Classical Weekly. Vol. 17. № 9. 1923. R. 67–72.
8. Janson T. Lucretius on the origin of language // Historiographia linguistica. 1979. Vol. 6. P. 149–157.
9. Lucretius. De Rerum Natura. Oxford, Oxford University Press. 1947.
10. Pfligersdorsdorffer G. Zur Sprachentstehung nach Lukrez // Antike Rechts- und Sozialphilosophie / Hrsg. von O. Gigon. Frankfurt' am Main, 1988. S. 138–146;
11. Reinhardt T. Epicurus and Lucretius on the Origins of Language // CQ. 2008. Vol. 58. № 1. RR. 127–140;
12. Reitzenstein R. Zu Cicero de re Publica // Hermes. Bd. 59. №. 3. 1924. S. 356–362.
13. Richter E. Voigt R. Res Publica und Demokratie: die Bedeutung von Cicero für das heutige Staatsverständnis. Baden-Baden, 2007
14. Schmidt P. L. Cicero De Re Publica: Die Forschung der letzten fünf Dezennien // ANRW. № I.4, 1973. S. 262–333.
15. Schrijvers P. H. La pensee de Lucrece sur l'origine du langage // Mnemosyne. 1974. Ser. IV. Vol. 27. Fasc. 4. P. 336–364;
16. Sedley D. N. Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom. Cambridge, 1998;
17. Wood N. Cicero's Social and Political Thought. Berkeley and Los Angeles, 1988.
18. Wood N. Cicero's Social and Political Thought. Berkeley and Los Angeles, 1988.